

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Архим. Арсений (Иващенко)

**Макарий, Магнезийский епископ
в конце 4 и начале 5 века, и его
сочинения**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1883. № 5-6. С. 597-632.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010*

Макарій, магnezійскій епископъ въ концѣ IV и началѣ V вѣка, и его сочиненія.

Бъ памятникамъ христіанской апологетики, долго остававшимся въ безвѣстности, затѣмъ извѣстнымъ только отрывочно и только въ сравнительно недавнее ¹⁾ время выведеннымъ на свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ сохранились, принадлежатъ сочиненія Макарія, епископа магnezійскаго. Ни у современныхъ ему, напр. Епифанія и бл. Иеронима, ни у послѣдующихъ писателей, напр. Теодорита и Дамаскина, вообще до самаго конца восьмага вѣка не упоминается ни о Макаріѣ, какъ писателѣ, ни о сочиненіяхъ его. Только со времени седмага вселенскаго собора и Никифора патріарха сдѣлались они извѣстными большому кругу читателей, а привлекли на себя вниманіе по тому случаю, что иконоборцы ссылались на нихъ въ подтвержденіе своихъ неправыхъ мыслей объ иконахъ, или изображеніяхъ святыхъ. Изъ „отвѣтныхъ рѣчей“ ²⁾ Макарія они извлекли подходящія, какъ имъ казалось, свидѣтельства противъ почитанія изображеній святыхъ и представили ихъ Никифору, — когда, неизвѣстно; то есть, во время ли соборныхъ совѣщаній 787 года, гдѣ Никифоръ, еще мирянинъ, засту-

¹⁾ Именно въ 1876 году изданы Блонделемъ подъ заглавіемъ: *Μακαρίου Μαγνητικής Αποκριτικός ἢ Μονογενής. Masarii Magnetis, quae supersunt ex inedito codice, edidit C. Blondel. Parisiis MDCCCLXXVI.* Отрывки изъ бесѣдъ Макарія изданы Дюшеномъ въ концѣ его брошюры *De Masario Magnete et scriptis ejus. Parisiis 1877.*

²⁾ 'Αποκριτικοὶ λόγοι, какъ называется сочиненіе Макарія въ нѣкоторыхъ спискахъ и у патр. Никифора, или 'Αποκριτικός, т. е. отвѣтъ, какъ и озаглавлено издателемъ, или Μονογενής, т. е. Единородный, потому что все сочиненіе имѣетъ цѣлю защиту славы Единороднаго Сына Божія, Основателя церкви.

паль мѣсто императора, или немного послѣ и даже въ бытность его уже патріархомъ константинопольскимъ (съ 806 года). Впрочемъ они представили только выборку отрывочныхъ мыслей и выраженій подъ именемъ „Святаго Макарія изъ четвертой книги Отвѣтовъ“, а не самое сочиненіе вполнѣ.

Для Никифора было новостію и имя писателя и его сочиненіе. Посему онъ позаботился пріобрѣсти полный списокъ. Послѣ долгихъ поисковъ ему наконецъ удалось найти его и по внимательномъ разсмотрѣніи обличить намѣренную ложь еретиковъ, извращавшихъ посвоему мысли писателя или приписывавшихъ ему то, что говорилось противниками христіанства, хоть и самъ, по излишнему предубѣжденію противъ извѣстнаго дотолѣ еретикамъ только писателя, заподозрилъ послѣдняго въ манихействѣ, аріанствѣ и иныхъ ересяхъ. О своей находкѣ Никифоръ говоритъ слѣдующее. „Надпись на ней такова: Книга Макарія іерарха. На послѣднее достоинство указываютъ не только надпись, но и изящное живописное изображеніе сего Макарія на внутреннихъ листахъ этой древней книги; потому что онъ изображенъ въ священномъ облаченіи. Затѣмъ и въ послѣдующихъ сверткахъ часто встрѣчаемъ такое же изображеніе. И этотъ мужъ, какъ видится, процвѣталъ задолго до сего, спустя больше трехсотъ лѣтъ послѣ апостольской боговдохновенной проповѣди. — Какого города былъ епископомъ и среди кого предстоятельствомъ, не можемъ сказать, пока точнѣе не дознаемъ, есть ли слово *Μαγνης* имя собственное, или нарицательное (*ἐπιχόν*); потому что оно употребляется и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Знаемъ на примѣръ, что и нѣкто изъ древнихъ поэтовъ ¹⁾ назывался такъ; древняя исторія упоминаетъ и о другомъ ²⁾, основателѣ нѣкоего поселенія (колоніи). По его имени и его поселеніе въ Фессаліи называлось Магнезією (*Μαγνησία*), и тамошніе жители — магнетами (*Μαγνητες*). Оттуда можетъ быть и въ другія мѣста, но несомнѣнно и въ

¹⁾ Можетъ быть имѣется въ виду комикъ Магнась, восхваляемый Аристоделемъ, Аристофаномъ и др.

²⁾ То есть Магнась, сынъ Аргоса.

азійскіе края переселились инне, и отъ нихъ нѣкоторые города ¹⁾ назывались Магнезіями (Μαγνησία). — Писатель нашъ предназначаетъ свою книгу нѣкоему Θεосоену, своему искреннѣйшему другу, вмѣстѣ и для поправокъ и для оцѣнки. А цѣль произведенія есть опроверженіе еллиновъ, и изъ нихъ особенно нѣкоего философа изъ школы Аристотеля, державшагося мнѣнія предпочитавшихъ единоначаліе (μοναρχίαν), впрочемъ, весьма свѣдущаго во внѣшней любомудрии и высококомѣрно презиравшаго наши догматы, своими софизмами и ухищренными доводами умѣло нападавшаго на простоту нашей вѣры“ (см. Nicephori Antirrhetica въ сборникѣ Pitra Spicilegium Solesmense tom. 1, Paris 1852).

Изъ приведенныхъ словъ патріарха Нисифора видимъ между прочимъ, что онъ имѣлъ и еще хоть одинъ списокъ съ именемъ Μαχαρίου Μάγνητος, а не просто Μαχαρίου, какихъ теперь есть нѣсколько, и что высказавшись сначала нерѣшительно, „есть ли слово Μάγνης имя собственное или нарицательное“, такъ какъ оно бывало и личнымъ именемъ и означало происхождение изъ Магнезіи, самъ потомъ готовъ принимать нашего Макарія за епископа азійской страны, а дальше въ своихъ Antirrheticis прямо называетъ писателя Макаріемъ и, значитъ, слову Μάγνης усвоить смыслъ нарицательный. Посему встрѣчающееся въ иныхъ позднѣйшихъ рукописяхъ выраженіе ὁ μαχαρίος Μάγνης справедливо считать если не опискою, то имѣющимъ смыслъ „блаженный, или покойной памяти, епископъ магнезіискій“, какъ равно и ссылка греческаго ученаго XVI в., Захаріи Скордила, что Магнисъ такъ-то говорилъ объ евхаристіи, служить указаніемъ на Макарія, какъ на епископа магнезіискаго, хоть ничто не мѣшаетъ думать, что самъ Скордилъ не имѣлъ точнаго представленія о личности его.

А теперь, дѣйствительно ли Макарій и по собственнымъ сочиненіямъ представляется дѣйствовавшимъ и писавшимъ въ Ма-

¹⁾ Известны были два города сего имени въ Азіи: 1) Магнезія на рѣкѣ Меандрѣ, въ Каріи, въ 26 рим. миляхъ отъ Ефеса на востокъ, и 2) Мегнезія въ Лидіи. Епископъ первой зависѣлъ отъ митрополита ефесскаго, второй — отъ смирнскаго.

лой Азии? Въ прошломъ вѣкѣ Тильмонъ ¹⁾, и за нимъ теперь Дюшенъ ²⁾ по догадкѣ отодвигаютъ его въ Едессу месопотамскую. Противъ этой догадки, слѣдуя отчасти указаніямъ нѣмецкихъ учонныхъ, Меллера ³⁾ и Цана ⁴⁾, можно выставить слѣдующее. Когда Макарій хочетъ представить примѣръ, что кто-нибудь называется по странѣ, въ которой живетъ, хотя родился въ другой, то говорить объ уроженцѣ Галатіи, живущемъ въ Азии (т. е. области, гдѣ Ефесъ) и называющемся по тому азіяцемъ ⁵⁾. Затѣмъ, онъ указываетъ на жѣстность, гдѣ первоначально дѣйствовалъ еретикъ Монтанъ, съ такою мелочною точностію, которая въ устахъ чужеземца могла бы казаться смѣшною. Именно, „Монтанъ, едва не весь міръ заразившій ядомъ своей ереси, появившись во Фригіи, заблужденіемъ своимъ оболыцалъ всю страну мисовъ“ — сосѣднюю Фригію — „до предѣловъ Азии“ ⁶⁾. Малоазійскія области, въ которыхъ находились еретики енератиты, апотактиты и еремиты, перечисляетъ обстоятельно, чѣмъ то встрѣчаемъ у Епифанія (Haeres. 46, 1. 61, 2), именно Писидію, Исаврію, Киликію, Ливаонію и всю Галатію ⁷⁾. И если, указывая на развитіе подвижнической жизни, говорить „можешь обойти города востока и всѣ епархіи Сиріи и точнѣе дознать справедливость моей рѣчи“, то безъ сомнѣнія этимъ съ одной стороны показываетъ, что не въ Египтѣ или близъ него жилъ, съ чѣмъ не сходится и изображеніе временъ года, особенно зимы съ ея лютыми морозами и всепокрывающими снѣжными заносами ⁸⁾, но съ другой стороны подтверждаетъ, что и не въ Сиріи жилъ, а къ западу отъ ней. Милолетное замѣчаніе, что испѣленная Спасите-

¹⁾ Tillemont, Histoire des empereurs. tom IV, pag. 308.

²⁾ Duchesne, De Macario Magne, pag. 11.

³⁾ См. его отзывъ въ журналѣ Theologische Literaturzeitung 1877, № 19.

⁴⁾ См. его статью Zu Makarius von Magnesia, въ журналѣ Zeitschrift zur Kirchen geschichte 1878, Band II, Heft 3.

⁵⁾ Кн. III, гл. 38.

⁶⁾ Кн. IV, гл. 15.

⁷⁾ Кн. III, гл. 43.

⁸⁾ Кн. II, гл. 7, кн. IV, гл. 11.

лецъ кровоточивая была родомъ изъ Едессы, само по себѣ доказываетъ, что писатель имѣлъ у себя какое-то неопредѣленное исторически извѣстіе о ней и ничего не говоритъ въ пользу того предположенія. Единственное, что повидимому могло-бы служить доказательствомъ мѣстопребыванія и дѣятельности писателя въ странахъ при-ефратскихъ, частіе—въ Едессѣ, есть одинъ разъ ¹⁾ встрѣчающееся „сто парасангъ“ для означенія пути. Но, во-первыхъ, оно употреблено не для географическаго опредѣленія, а въ притчѣ; во вторыхъ: и у свѣтскихъ греческихъ писателей иногда встрѣчается употребленіе этой персидской мѣры для означенія пространства или разстоянія. Такъ напр. Лукіанъ, писатель третьяго вѣка по Р. Хр., часто вводитъ то греческія стадіи, то персидскія парасанги, и Атеней въ своемъ „Пирѣ софистовъ“ выразился, что нѣкто своими худыми поступками „на много парасангъ опередилъ Діонисія, тирана сиракузскаго“. Кроме того извѣстно, что еще долго послѣ паденія персидской монархіи и смерти Александра македонскаго въ бывшихъ областяхъ царства персидскаго для означенія путевыхъ разстояній употреблялись народомъ ²⁾ парасанги, да и вообще греческіе писатели, даже позднѣйшіе, не чуждались этого слова, какъ пригоднѣйшаго для означенія большихъ разстояній (потому что одна парасанга равнялась тридцати греческимъ стадіямъ). Потому и у Никиты Хоніата, писателя XII в., въ официальномъ извѣстіи императора о походѣ противъ болгаръ, читаемъ: „Едва прошли четыре парасанги по дорогѣ“, или: „Не прошелъ еще я четырехъ парасангъ, какъ предсталъ другой вѣстникъ“.. (Σαδᾶ Μεσαιωνικῆ Βιβλιοθήκη I, 81).

Что касается вѣка Макаріева, то общій о немъ выводъ патріарха Никифора прежде всего подтверждается двумя хронологическими указаніями въ самомъ сочиненіи. Именно, во второй главѣ четвертой книги Отвѣтовъ языческой философѣ возражаетъ: „Явная несправедливость въ словахъ Павла *мы живущіе* (1 Сол.

¹⁾ Именно въ кн. III, гл. 40.

²⁾ Подобно какъ и у насъ въ западной Россіи мила (для разстояній), локти (для измѣреній) и корцы (для сыпучихъ тѣлъ) доселѣ užívаются съ верстами, аршинами и четвериками.

IV, 14); потому что съ того времени прошло триста лѣтъ, и никто нигдѣ, ни самъ Павелъ съ другими, не былъ восхищенъ“. И въ пятой главѣ той же книги: „Христось говорить: *берегитесь, чтобы кто не прельстиль васъ, ибо мноие придуть подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христось, и мноихъ прельстятъ* (Мѣ. XXIV, 4, 5). А между тѣмъ вотъ прошло триста или больше лѣтъ, и никто такой нигдѣ не появлялся, развѣ что укажете на Аполлонія Тиаскаго, мужа, украшавшагося всякимъ любомудріемъ; другого не отыщете. Но выраженіе *придуть* говорить не объ одномъ, а о многихъ“. Легко заключать отсюда, что возраженія дѣланы были чрезъ триста и болѣе лѣтъ послѣ вознесенія Христова, и чрезъ триста лѣтъ послѣ апостола Павла, даже частіе—послѣ написанія имъ перваго посланія къ Солунянамъ (около 52—53 года по Р. Хр.).

Отодвигать же писателя къ началу IV вѣка и даже раньше (См. Pitra Spicilegium Solesmense 1, 546. Migne, Patrologiae Graecae X, 1358) на томъ основаніи, будто онъ говоритъ о статуѣ панадской, какъ еще существовавшей въ его время, тогда какъ она была уничтожена императоромъ Максиминомъ (307—313), не представляется повода, если точнѣе вникнуть въ смыслъ сказаннаго Макаріемъ. Выраженіе его: αὐτοῦ γὰρ τοῦ πρᾶχθέντος ἢ γυνὴ τὴν ἱστορίαν σεμνῶς ἀποχαλκεύασα τῷ βίῳ παρέδωκεν, ὡς ἄρτι τοῦργον γενόμενον, οὐ πάλα... означаетъ, что исцѣленная женщина, сдѣлавши изображение, предала его современникамъ и потомству на память о недавно или теперь, не въ старину, бывшемъ дѣлѣ или чудѣ.

Другіе признаки въ сочиненіи указываютъ также на вторую половину четвертаго вѣка или конецъ его. Нигдѣ не упоминается о гражданскихъ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ христіанъ, въ рѣчахъ противника нигдѣ не проглядываетъ мысль, что христіанская вѣра противна законамъ римской имперіи, и прямо говорится, что христіане строятъ себѣ великолѣпные храмы ¹⁾. Значить, возраженія примѣняемы во времени, когда христіанство, наравнѣ съ

¹⁾ Кн. IV, гл. 21.

язычествомъ, стало полноправною религіею въ государствѣ. Потому, когда писатель говоритъ, что въ его время христіанство не проникло еще между прочимъ и къ еѳіонамъ такъ называемымъ долговѣчнымихъ (*μακρόβιοι*), то показываетъ, что уже слышалъ о начаткахъ святой вѣры между еѳіонами авкеумитами, въ нынѣшней Абиссиніи; потому что долговѣчными слыли жители отъ Бабъ-эль-мандебскаго пролива по берегамъ океана до мыса Гвардафуйскаго ¹⁾). Далѣе, замѣчая о времени апостола Павла, что тогда изъ рыночныхъ торговцевъ (*μακρολλουότων*) большинство составляли язычники ²⁾), естественно даетъ подразумѣвать, что въ его время отношеніе было по крайней мѣрѣ обратное. Подвижническая и монашеская жизнь находилась въ полномъ развитіи, если писатель, въ объясненіе Мѡ. X, 34—38, сказавши о прошлыхъ ³⁾ гоненіяхъ и самоотверженіи мучениковъ, продолжаетъ, что и теперь чрезъ евангельское ученіе, какъ бы посредствомъ меча, отдѣлялись отцы отъ дѣтей, дочери отъ матерей... „иныя изъ любви къ дѣвству и чистотѣ отказались отъ брачнаго житія, принявши, какъ мечъ, раздѣляющее слово ученія (Евр. IV, 12); а сыновья знатныхъ мужей и почетные обыватели славныхъ городовъ, отказавшись отъ прародительскихъ обычаевъ, перешли къ подвижническому образу жизни, трудами воздержанія восходя на высоту небесныхъ добродѣтелей, по евангельскому ученію, любовно распрошавшись съ обязанностями отечества, и ни отцы, видя это, не

¹⁾ Кн. IV, гл. 13. Pauly Lexicon tom. IV, Seit. 1349.

²⁾ Кн. III, гл. 42.

³⁾ Въ такихъ выраженіяхъ: „Тогда блаженные мученики, держась заповѣда (Мѡ. X, 34—38), какъ щита безопаснаго и несокрушимаго, стояли выше многообразныхъ ислушеній пытки, различную брань страстей подавляли, безчисленные прираженія враговъ отражали, несказанные нападки лукавства потребляли мечемъ вѣры и оружіемъ креста, которымъ сокрушалась вся сила тирановъ и низлагались полчища демоновъ, которымъ побѣждался міръ и приходилъ въ трепетъ, которымъ сокрушались стрѣлы злобы, предъ которымъ складывалось долу оружіе прелести. Ибо среди толкаго множества бѣдъ мученики не только не вникали увѣщаніямъ отца, матери, дѣтей, жены, но и самихъ себя не щадили, и какъ бы по единомыслію и зову одной трубы не бросили креста, но съ нимъ мужественно воевали дотоле, пока не слагали сего тѣлеснаго покроя и не облакались въ безтѣлесную славу исповѣданія своего».

гнѣваются, ни мать скорбитъ, ни братья ропшуть. Можешь обойти города востока и всё епархіи Сиріи и точнѣе дознать истину того, что говорю. Вотъ, напримѣръ, живущіе въ царственной митрополіи Антиоха раздѣляются безчисленными правилами поведенія ¹⁾, потому что одни съ удовольствіемъ приемятъ брачное иго, а другіе не дозволяютъ себѣ общенія съ женою; иные ведутъ роскошную жизнь, а иные скудную и трудовую съ малояденіемъ; одни непрерывно копятъ деньги, другіе любятъ нестяжательность, какъ дѣло доброе; одни весьма привязываются къ куплѣ и продажѣ, другіе радуются, когда и неудачи терпятъ; иные стараются бывать въ женскомъ обществѣ, а иные желаютъ пребывать въ уединеніи ²⁾.

Противъ столь поздняго, сравнительно съ выводами другихъ, написанія Отвѣтовъ есть еще два возраженія, заимствуемыя будто изъ внутреннихъ признаковъ книги, которые указываютъ на третій вѣкъ, на время гоненій. Именно: „Писателю нашему“, говорилъ Крузій ³⁾, „принадлежитъ мѣсто между тѣми писателями древней церкви, которые еще до ея умиротворенія писали апологіи въ защиту христіанской вѣры противъ клеветъ и нападокъ языческихъ. На это достаточно указываютъ какъ заглавіе книги (въ нѣкоторыхъ спискахъ—'Αποκρητικῶν πρὸς ἑλληνας, 'Απολογία Εὐδαγγέλιου), и обычай апологетовъ, и среднее имя побужденіе говорить противъ язычниковъ о Божіемъ единовластительствѣ, такъ и особенная цѣль всего творенія, направленнаго противъ какого-то извѣстнаго въ свое время между греками философа, защищавшаго многобожіе и съ высока осмѣивавшаго простоту христіанской вѣры, а это признаетъ, что сочинитель жилъ въ то время, когда

¹⁾ Μορίακς μερίζοντα: κατορθωμάτων γυνάμακ. Монахи и пустыянники окрестностей Антиохіи приобрѣли особенную извѣстность послѣ 387 года, когда они, явившись въ Антиохію, убѣдили царскихъ сановниковъ приостановиться съ судомъ надъ бунтовщиками до получения новыхъ приказаній отъ императора. См. Златоуста Бесѣды къ антиох. народу.

²⁾ Ев. II, гл. 7.

³⁾ Ergo Dissertatio de Macario Magneae помѣщена у Migne Patrolog. Graecae, tom. X.

гоненія на церковь Христову еще вызывали апологіи. Ибо съ того времени, какъ язычество поражено было Константиномъ Великимъ и церкви Христовой предоставлена была полная свобода, мы не встрѣчаемъ ни философовъ, ни апологетовъ, которые-бы съ такою старательностію разсуждали объ этомъ предметѣ, такъ какъ и нельзя было тогда сильно нападать и злословить вѣру христіанскую. Да и не было необходимости въ такомъ обиліи доказательствъ для отпора и защиты, особенно, когда изъ твореній язычниковъ IV и V вѣковъ, Амміана Марцеллина, Халкидія, Θεμισтія и другихъ, незнакомыхъ съ христіанствомъ, довольно ясно, что разумѣйшіе (sapentiores) философы того времени, по примѣру своего учителя Аммонія, взяли на себя роль какбы посредниковъ между язычниками и христіанами и дѣлали попытки какимъ-либо образомъ объединить убѣжденія тѣхъ и другихъ. Даже когда философъ, желая отъ вида человѣческаго единовластія выяснить образъ единовластительства Божія, приводитъ Адріана въ примѣръ, то этимъ даетъ знать, что не слишкомъ далеко былъ отъ вѣка Адріанова.— На все это можно замѣтить, во первыхъ, что Макарій въ 42-й главѣ 3-ей книги ссылается на сочиненіе Порфирія философа, какъ умершаго уже, а онъ умеръ въ 305 году,— и слѣдовательно отвѣты появились позже; во вторыхъ, апологія Макарія (хотя самъ Макарій такъ ее не называлъ, а „Отвѣтъ“ или „Отвѣты“; см. кн. III, гл. 7) отличается отъ апологій, являвшихся въ вѣка гоненій, тѣмъ, что имѣла въ виду христіанъ преимущественно, писана по просьбѣ христіанина и противъ книги, а не въ защиту отъ гражданскаго правительства, что содержаніемъ и тономъ своимъ вовсе не позволяетъ отнести себя ко временамъ преобладанія язычества и угнетенія христіанъ, а ко времени, когда поборники язычества очутились въ ряду приниженныхъ, сравнительно съ прежнимъ, гражданъ, оказались въ меньшинствѣ и по численности и по нравственной силѣ, вмѣсто меча и пытокъ собирали и подбирали софизмы для оправданія своихъ вѣрованій, тонкими умствованиями старались умѣрять грубость языческаго многобожія и, хорошо знакомые съ книгами Священнаго Писанія, по примѣру или по слѣдамъ Цельса, Порфирія и Герокла,

въ самомъ Писаніи пытались найти недостатки и уклоненія отъ истины. Невольно припоминается самъ царственный отступникъ отъ христіанства, Юліанъ императоръ, писавшій ¹⁾ бывшему товарищу по школѣ, Василию Великому: „я понялъ то, что читалъ, а потому и осудилъ“, — и предъ походомъ на персовъ составившій въ Антиохіи цѣлую книгу опроверженій христіанства. Но нужно-ли было послѣ временъ Константина Великаго писать апологіи христіанской вѣрѣ? Очевидно, нужно было; потому Аѳанасій Александрійскій въ 362 году написалъ свое „Слово противъ еллиновъ“ для кого-то изъ друзей своихъ, и немного позже „Слово о воплощеніи Бога Слова“, какъ продолженіе предыдущаго, Кириллъ Александрійскій говорилъ свои рѣчи въ опроверженіе нападокъ Юліана спустя лѣтъ пятьдесятъ по смерти послѣдняго, а Феодоритъ еще позже писалъ: „Врачевство противъ языческихъ заблужденій“. Язычниковъ въ имперіи конца IV вѣка развѣ было не многимъ меньше половины всего населенія; въ обществѣ и по рукамъ людей грамотныхъ ходили сочиненія и памфлеты въ защиту древнихъ вѣрованій и въ подрывъ новой, ставшей государственною, религіи. Что же касается ссылки на Адріана, то она вовсе не доказываетъ раннѣйшаго появленія „Отвѣтовъ“ Макарія и столь же мало подтверждаетъ принятіе 150-хъ годовъ (какъ сперва думали), какъ и 270-хъ или 280-хъ за время составленія ихъ. Для язычника Адріанъ представлялся лицомъ, подходящимъ къ подтвержденію мысли о единовластительствѣ, независимо отъ его покровительства философаъ и богамъ, еще и потому, что имя его было популярнѣе другихъ, и послѣ него единовластные императоры языческіе почти не бывали, всегда имѣя соправителей.

Указывали еще на другой признакъ, именно, что писатель упоминаетъ только о еретикахъ втораго и третьяго вѣковъ (послѣдніе изъ нихъ — манихеи), а объ аріанахъ, напримѣръ, не промолвился ни однимъ словомъ. Но это ничево въ сущности не доказы-

¹⁾ См. Письма Юліана къ Василию въ изданіяхъ писемъ Василія Великаго на греческомъ языкѣ; въ русскомъ переводѣ (Твор. св. отцовъ) они пропущены.

васть; по связи мыслей и соответствію выраженіямъ философа Макарій упомянулъ о еретикахъ язычествовавшихъ, совершенно ниспровергавшихъ дѣло Христово, тогда какъ объ аріанахъ, не отличавшихся видимымъ отчужденіемъ отъ церкви и не сближавшихся съ язычествомъ, не считалъ нужнымъ упоминать, если только въ христорборцахъ (*χριστομάχοι*), съ которыми сравниваются неправильно толкующіе Писаніе, не признавать аріанъ ¹⁾). Но что онъ писалъ уже послѣ эпохи аріанскаго преобладанія, видно изъ того, что о божествѣ Христовомъ и Его предвѣчномъ рожденіи отъ Отца употребляетъ выраженія, общепринятая послѣ никейскаго собора ²⁾, и что затѣмъ встрѣчаемъ у него полное различеніе между понятіями *οὐσία* (сущность) и *ὕπόστασις* (ипостась), чего не видится еще въ писаніяхъ Афанасія Александрійскаго.

Итакъ, по всему слѣдуетъ отнести сочиненіе Макарія ко второй половинѣ и даже къ концу IV вѣка. Изъ двухъ хронологическихкихъ ссылокъ возражателя, если принять не за вымысль, а за дѣйствительность четырехдневное совопросничество философа, выходило-бы, что оно писано около 353—354 года. Но какъ состязаніе то явно ³⁾ составляетъ риторическій приѣмъ автора, а въ

¹⁾ См. кн. III, гл. 14.

²⁾ ἀπορήτως ἐκ Πατρὸς ἀνατείλας τοῖς ἑλοῖς, ἀχρόνως γενόμενος καὶ χρόνος ἕντος ἔχων, φῶς ὄντως ἀληθινόν... Кн. III, гл. 14; См. кн. IV, гл. 25.

³⁾ Duchesne, De Macario Magne, pag. 21: «Рѣчь язычника плавна и легка, не безъ соли и остроумія; а рѣчь Макарія удивительно насколько отличается тѣлостью и вычурностью, обиліемъ повтореній... Такая разность въ слогахъ и, такъ сказать, неодинаковый способъ борьбы видимо указываютъ, что устное состязаніе вымышлено, что Макарій не съ присутствующимъ противникомъ препирался и не передъ собраніемъ слушателей, а на досугѣ и возраженія приводилъ, и отвѣты писалъ. Еслибы мы тутъ имѣли дѣйствительную запись словеснаго состязанія бывшими притомъ писцами, хотя бы и выправленную послѣ или украшенную нѣсколькими самимъ авторомъ, то во всякомъ случаѣ прозвезденіе имѣло бы иной видъ, въ рѣчи самого Макарія оставались бы слѣды боевыхъ трудностей и усилій, мы не встрѣчали бы въ одномъ мѣстѣ гладкую прозаическую рѣчь, въ другомъ—рѣчь напыщенную, отборное веле-рѣчіе и изысканное краснорѣчіе. Если опять взять во вниманіе, съ какою силою и съ какимъ остроуміемъ выставляетъ свои недоумѣнія язычникъ, такъ что ничего не убавлено изъ ихъ вѣскости и желчности, то легко заключить, что его слова прямо въ книги списаны и выставлены Макаріемъ разѣвъ въ

дѣйствительности не имѣло мѣста, то приходится допустить, что возраженія заимствованы изъ книги ученаго язычника, писанной около начала второй половины IV вѣка, а опроверженіе составлено уже спустя нѣсколько лѣтъ, можетъ быть по просьбѣ Θεοσεена.

Теперь, кто-жъ былъ, или лучше — когда жилъ магnezійскій епископъ Макарій? Исторически извѣстенъ бывшій въ ту эпоху Макарій магnezійскій. Въ 403 году онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ собора у Дуба, близъ Халкидона, и выступалъ съ обвиненіями противъ ефесскаго митрополита Ираклида, поставленнаго Златоустомъ; но въ чемъ состояли обвиненія, — неизвѣстно (если только не въ посвященіи на митрополию безъ общаго избранія), тогда какъ обвиненія на того же Ираклида, взнесенныя монахомъ Іоанномъ и епископомъ Исаакіемъ, сохранились въ записяхъ бібліотеки Фотіевой ¹⁾. Ничто не мѣшаетъ этого именно Макарія признать и составителемъ отвѣтовъ на языческія возраженія противъ истинности вѣры христіанской.

А кто былъ возражателемъ или авторомъ книги, и что это за книга, изъ которой бралъ возраженія Макарій, опредѣлить съ достовѣрностію нельзя, по недостатку данныхъ. Что особенно съ конца третьяго вѣка часто появлялись памфлеты, и болѣе или менѣе ученныя письменныя опроверженія христіанства, извѣстно изъ письменныхъ же возраженій и отвѣтовъ Меодія патарскаго, Лактанція и Евсевія кесарійскаго; да и во второй половинѣ IV вѣка прижѣръ императора Юліана, написавшаго свое большое сочиненіе ²⁾ противъ некоего измѣненнаго вѣдѣ. Къ этому можно прибавить замѣчаніе Цана, что у язычника мѣста Свящ. Писанія часто приводятся по другому чтенію, чѣмъ у Макарія. Напр., онъ читаетъ 1 Кор. VI, 11 согласно съ синайскимъ кодексомъ: ἀλλὰ ἀπελούσασθε, ἀλλὰ ἡγιάσθητε... Κορίν безъ ἑμῶν (кн. IV, гл. 19); а Макарій три раза читаетъ (съ ватиканскимъ и др.) ἑμῶν и два раза ἀλλ' вмѣсто ἀλλά.

¹⁾ Photii Bibliotheca, codex 59 (ex recens. Beckeri tomus prior, pag. 17—19. Berolini 1824).

²⁾ Подъ какииъ заглавіемъ выпустилъ его въ свѣтъ Юліанъ, неизвѣстно; оно сохранилось отрывочно и въ извлеченіяхъ по опроверженіямъ Кирилла Александрійскаго, который о поводѣ къ послѣднимъ выразился, что побуждается говорить свои слова τοῖς Ἰουλιανοῦ βιβλοῖς ἐντοῦτων, ὡς τῆς εὐαγοῦς ἑμῶν ἑρρηκίας οὐ φορητῆν ἐποιήσατο τὴν κατάρρησιν (См. Suggilli Alex. Oregum tom. VI.—ed. Lutetiae 1638—въ началѣ перваго слова противъ Юліана).

христіанства вѣроятно не былъ одиночнымъ. Къ сожалѣнію, не сохранилось предисловія и всей первой книги (крохъ отрывка шестой главы) отвѣтовъ Макарія, гдѣ, вѣроятно, было указаніе на автора возраженій или на книгу его. Остается предполагать, что какой-нибудь философъ, поборникъ язычества, частію самъ подыскалъ, частію подобралъ или передалъ извѣстныя уже возраженія и свелъ ихъ въ одну книгу въ видѣ отдѣльныхъ положеній, которая пушена въ ходъ и дошла наконецъ до Макарія. На заимствованіе нѣкоторыхъ возраженій изъ болѣе древнихъ писателей указываетъ поразительное сходство ихъ. Такъ, напримеръ, когда говоритъ, что свидѣтелями воскресенія Христова надлежало быть не женщинамъ или безвѣстнымъ людямъ изъ черни, а начальствующимъ: Пилату, Ироду и архіереямъ ¹⁾, то повторяетъ уже сказанное Цельсомъ. Понятіе о единствѣ Божіемъ, развиваемое имъ ²⁾, давно уже принято было въ школахъ неоплатониковъ, повторилось и у Юліана. Заимствованія изъ Порфирія явно открываются тамъ, гдѣ говорится о несогласіи Петра и Павла въ Антиохіи ³⁾, о смерти Ананія и Сапфиры ⁴⁾, и дѣлается упрекъ, что озеро Геннисаретское названо моремъ ⁵⁾. А затѣмъ многое взято изъ Иерокла, котораго два „Правдивыя слова“ (*Φιλῶδες λόγος*) свидѣтельствовали о близкомъ знакомствѣ съ ученіемъ христіанскимъ, такъ что Лактанцій выразился: „выставляетъ нѣчто до того сокровенное, что кажется какъ будто нѣкогда принадлежало къ нашему вѣроученію и сдѣлался предателемъ принятыхъ тайнъ, если только не по случаю какому дошли до него божественныя Писанія“ ⁶⁾. Порицаніе апостоловъ Петра и Павла, восхваленіе Аполлонія Тіанскаго, признаніе многихъ боговъ и тотчасъ же подчиненіе ихъ одному—показываютъ близкое сходство

¹⁾ Кн. II, гл. 14. Сравни. *Origenis contra Celsum lib. II.*

²⁾ Кн. IV, гл. 20.

³⁾ Кн. III, гл. 22. Ср. сказанное о Порфиріи у Иеронима въ предисловіи къ посл. къ Галатамъ.

⁴⁾ Кн. III, гл. 21. Ср. *Hieronymi ep. ad Demetrianum.*

⁵⁾ Кн. III, гл. 6. Ср. *Hieron. Quaest. in Genes.: frustra Porphyrius Evangelistas... pro lacu Genesareth mare appellasse calumniatur.*

⁶⁾ *Lactantii Institutionum lib. V, cap. 2. De mortibus persecutorum 16.*

съ сказаннымъ у Герокла. Но какъ многого изъ возраженій и мудрованій Юліана у нашего философа не встрѣчается, то этимъ можетъ подтверждаться справедливость предположенія, что послѣдній составилъ свой сборникъ вѣсколько раньше Юліанова творенія. Другимъ подтвержденіемъ сему можетъ служить упоминаніе о многихъ императорахъ. Именно, возраженіе гласить: „Скажи жнѣ ради Бога, какой это тогда происходившій судъ, и какой это князь міра, изгнанный вонъ (Іоанн. XII, 31)? Потому что, если скажете, что это самодержецъ, то вѣдь онъ не одинъ князь, и не былъ низложенъ, и въ мірѣ князей много“ ¹⁾. Конечно, это могло быть сказано не о римской только имперіи, а и о другихъ царствахъ: но нужно обратить вниманіе, что возражатель, сравнивая единовластительство Божіе съ единовластіемъ человѣческимъ, не приводитъ въ примѣръ кого-нибудь изъ современныхъ ему владыкъ, а императора Адріана. Значить, и теперь римскаго императора подразумѣвалъ, и писалъ тогда, когда многовластіе сыновъ Константина еще было на виду и даже не прекратилось смертію двухъ изъ нихъ, потому что на западѣ царствовалъ Магненцій съ января 350 г. по августъ 353 года, и цезарь Галль погибъ только въ концѣ 354 года.

Насколько самъ Макарій въ своихъ отвѣтахъ пользовался твореніями предшествовавшихъ ему христіанскихъ писателей, нелегко опредѣлить, такъ какъ самъ онъ на подобныя заимствованія не ссылается, но что, напримѣръ, ему не неизвѣстны были толкованія Оригеновы, на это, кромѣ нѣкотораго сходства съ Оригеномъ въ сохранившихся отрывкахъ бесѣдъ на книгу Бытія ²⁾, есть достаточное указаніе и въ самыхъ отвѣтахъ, гдѣ ³⁾ слова Іоанна Крестителя (Іоан. I, 27) изъясняетъ по образцу толкованія Оригенова, текстъ Іоанна VIII, 44, читаетъ какъ у Оригена, хотя пред-

¹⁾ Кн. II, гл. 15.

²⁾ Именно въ 8-мъ отрывкѣ, гдѣ омованныхъ одеждахъ. Быт. III, 21.

³⁾ Кн. III, 14: ἀφώριστον γὰρ ὑπάρχει τοῦ Θεοῦ λόγος τὸ τοῦ σώματος ὄργανον· ἄλλοτον ὁ ἴσας, ὡς Ἰωάννης εἶπεν, ἐκεῖνος τοῦ πράγματος. Св. Origenis Comment. in Іоан. tom. VI, nr. 15. *Григорія Бол.* 39 слово (Твор. св. отцевъ III, 266).

почитаетъ не то, что Оригенъ назвалъ лучшимъ ¹⁾, и совершенно придерживается Оригена въ изъясненіи мѣстъ 4 Ц. XIX, 11, 12 ²⁾, Исх. III, 2—5 ³⁾ и другихъ—Ветхаго Завета. Затѣмъ, вѣроятно, и сочиненія Меодія ⁴⁾ патарскаго, Лактанція и Евсевія кесарійскаго не были ему неизвѣстны, а знакомство его съ „Большимъ огласительнымъ словомъ“ Григорія нисскаго доказывается тождествомъ предположенія нѣкоего обмана для завлеченія діавола противъ Спасителя ⁵⁾, каковая мысль скоро была устранена и опровергнута Григоріемъ Богословомъ ⁶⁾.

Что Макарій былъ православный писатель, въ томъ нельзя усомниться при самомъ внимательномъ чтеніи его писанія; но почему же патріархъ Никифоръ заподозрилъ его въ оригенианствѣ, манихействѣ и арианствѣ? Можно думать, что уже ссылка иконоборцевъ на Макарія была для Никифора поводомъ къ подозрительности, и затѣмъ бѣглое чтеніе вновь открытаго писателя усилило ее. Но послушаемъ самого патріарха: „Иконоборцы, представляя сего Макарія защитникомъ и сборникомъ ихъ заблужденія и слова его по своей мысли понимая и содержа, несомнѣнно проинкнуты и другими его худыми убѣжденіями. Потому что упоминаются прежде всего въ томъ, что совершенно соглашаются и принимаютъ сказанное имъ, можетъ быть по старой привычкѣ и личному расположенію, въ противность священнымъ догматамъ пер-

¹⁾ Кн. II, 21: «Не діаволъ—отецъ іудеевъ; если бы такъ было сказано, то написано было бы: *em otъ otца vashею діавола*, а между тѣмъ не это, но *em otъ otца діавола* (*ἐκ τοῦ πατρὸς τοῦ διαβόλου*). Потому что діаволъ — не отъ себя, а отъ другаго.—зіміа или антихриста, какъ Макарій пояснилъ дальше.— Такъ читалъ и Оригенъ; но допуская нѣкоторую обоюдность въ томъ греческомъ выраженіи, признавалъ, что лучший смыслъ его (*ὁ βέλτιόν ἐστι*) тотъ: «*em otъ otца, который называется діаволомъ*». Origen. Comment. in Ioan. tom. XX, nr. 9 (Migne Patrol. Gr. XIV, 618).

²⁾ Кн. III, гл. 13.

³⁾ Кн. III, гл. 10: «Страданіе Христа предъизобразилъ Моисей вушиною».. и пр. о жезлѣ, стаивѣ и др.

⁴⁾ Ср. 8-й отрывокъ изъ бесѣдъ на кн Быт. и сказанное у Фотія о Меодіѣ cod. CCXXXIV.

⁵⁾ Кн. III, гл. 9. Св. Григорія Нисскаго Огласит. слово гл. 23 и 26 (Твор. св. от. 40-й томъ).

⁶⁾ См. его слово на св. Пасху (Твор. св. от. IV, 175—177).

Еви, и не только съ любовію принимаютъ мнѣнія безбожныхъ манихеевъ и ненавистныхъ арианъ, но и извращенныя мудрованія злочестиваго и безумнаго Оригена, и подобно ему учать, что наказаніе, которымъ Богъ угрожаетъ въ будущемъ и которое Онъ уготоваель нечестивымъ людямъ, будетъ имѣть конецъ“.

Что касается мнѣнія о вѣчности мукъ, то, къ сожалѣнію, намъ нельзя привести подлинныхъ мѣстъ Макарія, такъ какъ не сохранилось конца четвертой книги, гдѣ, по указанію Никифора, онъ изложилъ свое мнѣніе; можетъ быть, мнѣніе Макарія и не было такъ рѣзко, какъ его выставляетъ Никифоръ. И послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ остальныхъ обвиненіяхъ замѣтны поспѣшность и недосмотръ. Обвиняется ¹⁾ нашъ авторъ въ манихействѣ; но послушаемъ, что онъ говоритъ въ объясненіе апостольскихъ словъ: *отступятъ нѣкоторые, сожженные своею совѣстію* (1 Тимое. IV, 1, 2). „Называетъ сожженными тѣхъ, которые не напоены росой Духа Святаго, и благодатию крещенія не омыты отъ скверны грѣха... болтаютъ вздоръ и мудрствуютъ пустое, насмѣхаясь надъ сотвореніемъ и злослова твари Божіи, сотворенныя въ пищу и употребленіе, не для тщеславія, прихоти и невоздержанія, чтобы вѣрные, пользуясь ими, благодарили Творца. Таковы манихеи; подобныя же ереси заключаетъ въ себѣ страна псидійская и исаврійская ²⁾. Что яснѣе осужденія главнаго мнѣнія манихеевъ, что матерія зла и происходитъ отъ злаго начала? И въ другомъ мѣстѣ Макарій причисляетъ Манеса и его послѣдователей къ антихристамъ и противникамъ Бога ³⁾, какъ и марсіонитовъ и другихъ. Объ Аріѣ же и арианахъ Макарій вовсе не упоминаетъ, по крайней мѣрѣ не приводитъ имени ихъ; но вѣру свою въ Бога единаго по существу и троичнаго по лицамъ излагаетъ столь ясно и точно, что какбы нарочито даетъ свидѣтельство о своемъ исповѣданіи. Говоря напримѣръ о крещеніи по поводу апостольскихъ словъ: *но омылись, но освятились* (1 Кор.

¹⁾ Обвиняется безъ точной ссылки на какое нибудь мѣсто изъ его сочиненій.

²⁾ Кн. III, гл. 43.

³⁾ Кн. IV, гл. 15.

VI, 11), выражается между прочимъ: „Не говорить сперва осяятились, потомъ омылись; потому что прежде кто-нибудь омывается, потомъ очищается, то есть освящается. Ибо какъ селитра, вѣшанная въ воду, счищаетъ грязь, такъ ¹⁾ имя Христово, соединенное съ водою, сходящаго въ нее очищаетъ отъ грѣха и являетъ свѣтлымъ чрезъ дѣйствіе благодати, а потомъ послѣ освященія содѣлываетъ праведнымъ. И это, говоритъ апостоль, не иначе бываетъ спасаемымъ, какъ во имя Господа и Духа Божія. По божественному вдохновенію и весьма сходственно научилъ, что благодать вѣрнымъ подается отъ Троицы,—научилъ сказавши *именемъ Господа и Духа*, и не просто Духа, а Бога Духа, именуя божество Трехъ единымъ, когда говоритъ не именами, а именемъ. Ибо одно имя, Богъ, принадлежитъ и Сыну, и Отцу, и Св. Духу, и Богъ одинъ въ трехъ ипостасяхъ и есть и именуется, и ни Отецъ безъ Сына пріемлетъ вѣрующаго, ни Сынъ безъ Духа приводитъ кого къ Отцу. И вотъ какъ въ таинственномъ смыслѣ (μοσχῶς) сказалъ: *но омылись, но осяятились, но оправдались*. Кого омываетъ Христосъ, того освящаетъ Духъ, а кого освящаетъ Духъ, того оправдываетъ Отецъ, не потому что Христосъ омывая не можетъ освящать, или Духъ освящая не имѣетъ силы оправдывать, или Отецъ оправдывая не можетъ омывать и освящать: потому что и Отецъ и Сынъ и Духъ имѣютъ одинаковую власть омывать, освящать и оправдывать все: но потому, что прилично Сыну, какъ Сыну, усыновлять, Духу Святому, какъ Духу, освящать, и Отцу оправдывать освященнаго, чтобы имя трехъ ипостасей признавалось въ одной сущности. Потому то апостоль, взявши эту мысль изъ Евангелія, гдѣ говорится: *идите научите все народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа*, примѣняетъ имя Троицы при крещеніи, говоря: *но омылись, но осяятились, но оправдались именемъ Господа нашего Иисуса Христа и Духомъ Бога нашего*“ ²⁾. И другія ³⁾ догматическія мнѣнія его свидѣтельствуютъ также о его православіи.

¹⁾ Сравни Григорія Нисскаго Огл. слово гл. 33 и 34. ²⁾ Кв. IV, гл. 25.

³⁾ То есть о паденіи чловѣка, о воплощеніи Бога Слова, о свободной волѣ, о двухъ естествахъ во Христѣ и пр.

Теперь, на какомъ основаніи иконоборцы могли выставлать Макарія защитникомъ ихъ заблужденій? Это открылъ патріархъ Никифоръ, доказавъ, что еретики нѣкоторыя мѣста (26, 27 и 29-й главъ IV-й книги) изъ отвѣтовъ язычнику объ идолахъ примѣнили къ иконамъ. Достаточно было Никифору прочесть эти мѣста въ связи, чтобы видѣть, что тутъ шло дѣло не объ иконахъ христіанскихъ. Но каковы были мысли Макарія? — Языческій философъ старается доказать, что многобожіе мало отличается отъ вѣры христіанской не только потому, что обѣ религіи признають верховное Существо, Коему въ христіанствѣ подчинены ангелы, въ язычествѣ—боги низшаго разряда, а они и ангелы различаются между собою только по имени, но и потому, что почести, воздаваемыя идоламъ, воздаются не дереву или золоту и статуямъ, а богамъ въ ихъ изображеніяхъ. „Неважно,“ говоритъ, „называть-ли ихъ богами или ангелами, такъ какъ природа ихъ божественна, когда и Матѳеѣ пишетъ: *Сказалъ Иисусъ въ отвѣтъ: заблуждаетесь, не зная писанія, ни силы Божіей, ибо въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ, какъ ангелы Божіи на небѣ* (Мѳ. XXII, 29, 30). Итакъ, признавши, что ангелы—божественной природы, воздающіе богамъ приличную честь не въ деревѣ, камнѣ или металлѣ, изъ котораго дѣлается статуя, поставляютъ бога... Потому что статуи и храмы воздвигались древними для напоминанія, чтобы приходящіе туда помышляли о Богѣ, отдыхали душою, и въ другихъ отношеніяхъ очищаясь, возсылали молитвы и прошенія, испрашивая каждый потребное себѣ“¹⁾. Мысль философа красиво выражена и прежде его высказана была Порфириемъ; только это уже позднѣйшее примышленіе, чуждое вѣрѣ и понятіямъ настоящихъ язычниковъ. Макарій отвѣчаетъ сперва отрицаніемъ тожества ангеловъ и боговъ, выдуманнаго философами: ангелы по природѣ отличны отъ Бога, сотворившаго ихъ изъ ничего; напротивъ, поубѣжденію философовъ, меньшіе боги—одной природы съ верховнымъ Существомъ. Затѣмъ, переходя къ почитанію идоловъ или изображеній, опускаетъ тонкія

¹⁾ Кн. IV, гл. 21.

изясненія противника и отвергаетъ всякій видъ, смыслъ и почитаніе идоловъ, будутъ-ли то вещи бездушныя, или какія животныя, утверждая, что жизнію и нравами, не металлами и камнями должно чтить ангеловъ, и не писаніями ихъ изображеній, „какъ ты говоришь,“ и ссылается на Авраама, который, удостоившись принять ангеловъ въ своемъ домѣ, не сдѣлалъ однакожь изображенія ихъ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Макарій отвергалъ изображенія и почитаніе ихъ, какъ это было у язычниковъ, допускавшихъ присутствіе въ статуяхъ божества (numinis), которое онѣ изображали, посему и говорятъ: „Мы не назовемъ богами и стихій міра, ни звѣздъ... и хотя-бы казалось, что статуи издають звуки и дають отвѣты, мы и имъ не усвоимъ чести или власти.“ О христіанскомъ почтеніи къ истинно-священнымъ изображеніямъ, коими издревле украшались дома и мѣста молитвенныхъ собраний, ни язычникъ не упомянулъ, ни Макарій не промолвилъ слова. Первый сдѣлалъ это, вѣроятно зная различіе между языческими идолами и христіанскими изображеніями; идолы были у язычниковъ, такъ сказать, воплощеніями божествъ, почему и сами считались богами, какъ видимъ у Юліана, который, ссылаясь на Платона, называетъ невидимыхъ боговъ „богами боговъ“, то есть видимыхъ (См. Cugilli Al. contra Iulian. 2).

Что касается толкованія Свящ. Писанія, то Макарій вообще принимаетъ прежде всего буквальный смыслъ и мнимое разногласіе евангелистовъ въ описаніи страданій Спасителя поясняетъ приспособленіемъ къ народной формѣ рѣчи и общепринятымъ выраженіямъ (кн. II, гл. 17); но часто на томъ основаніи, что ученіе боговдохновенныхъ рѣченій многообразно и многообъемлюще (πολύτροποι καὶ πολυθεώρητοι—кн. IV, гл. 15), допускаетъ при буквальномъ аллегорическомъ смыслѣ и таинственный. Такъ напримѣръ

¹⁾ Кн. IV, гл. 26 и 27. «Если и являлись когда ангелы въ человѣческомъ образѣ, то не были тѣмъ, что видѣлось... И если слово Божіе говоритъ о перстѣ Божіемъ и начертаніи имъ скрижалей, то выражалось такъ—не члены у Господа допуская, а научая, что невидимое существо по происхожденію принимало соверцаемый видъ... и ни въ чемъ не унижало себя, хотя бы и въ кустѣ (купавѣ) открывалось...»

стихъ евангельскій: *въ четвертую же стражу ночи пошелъ къ нимъ Иисусъ, идя по морю* (Мѡ. XIV, 25; Марк. VI, 48; Иоан. VI, 19), изъяснивши буквально, прибавляетъ: „а если тебѣ угодно, чтобъ мы изъяснили предметъ въ смыслѣ вышнемъ (νομοφ τῆς ἀναγωγῆς), то, возвысившись немного надъ буквально сказаннымъ, увидимъ тотчасъ смыслъ превосходящій, если скажемъ, что море есть жизнь прискорбная, ночь—пробываніе въ ней, корабль—міръ, плывущіе въ немъ—родъ человѣчскій, какъ бы въ теченіе всей ночи жизни плывущіе, противный вѣтеръ—многія козни діавола, а четвертая стража—пришествіе Спасителя, потому что на четыре стражи свыше распредѣлена мысленная ночь, то есть пребываніе въ жизни. И въ первую стражу патріархи утѣшали свое жителствованіе свѣточемъ вѣры; во вторую стражу закономъ управлялся корабль; въ третью стражу провидцы-пророки помогали пловцамъ, а въ четвертую стражу приди Христосъ остановилъ замѣшательство находящихся въ кораблѣ, и всякое нападеніе противниковъ обуздавъ, въ самую полночь возжегши для плывущихъ свѣтило челоуѣколюбія. Зная эту тайну, и апостолъ написалъ: *ночь прошла, а день приблизился* (Рим. XIII, 12), потому что такъ означается четвертая стража ночная; въ которую Христосъ, явившись, содѣлалъ свѣтлый день богоуѣденія“ (кн. III, гл. 13). И въ 7-й главѣ II-й книги, поясняя сказанное Спасителемъ: *пришелъ Я раздѣлитъ челоуѣка съ отцомъ его* и проч. (Мѡ. X, 35), къ прямому и сбмчному пониманію („не тѣла раздѣляетъ, а преобразуетъ разумѣніе и волю“) присоединяетъ: „а если хочешь выслушать и духовный смыслъ рѣчи, то подъ челоуѣкомъ, отдѣленнымъ отъ отца, понимай ликъ апостольскій, отрѣшившійся отъ закона, подъ дочерью—плоть, и матерью—обрѣзаніе, подъ невѣсткою—церковь, подъ свекровью—синагогу, а подъ мечемъ, который раздѣляетъ, благодать Евангелія“. Подобно см. и въ 15 гл. IV кн. И въ восьмомъ изъ сохранившихся отрывковъ бесѣдъ словажъ: *да не сварииши ягняте во млець матери его* (Исх. XXIII, 19), придаетъ указаніе, что „Христосъ не будетъ съ младенцами убить Иродомъ, который изъ-за него истребилъ дѣтей въ Вилеємѣ; потому что не надлежало пострадать Христу прежде совершеннаго возраста,

чтобы спасти всѣхъ“. Стоитъ обратить вниманіе, какъ на замѣчательный памятникъ древняго пониманія словъ Іоан. XXI, 15,—на возраженіе язычника: „Удивительно, какъ Іисусъ такому (вышедшему изъ темницы Дѣян. XII, 5—11) Петру, замѣшанному въ смутахъ и другихъ дѣлахъ, сказалъ: „паси агнцевъ моихъ“?—если овцы суть *отрныя*, достигшіе тайны совершенства, а агнцы суть *олашаемые* еще, питаемые вѣжнымъ молокомъ ученія“.

Кромѣ Свящ. Писанія, Макарій приводитъ свидѣтельства изъ преданій о святыхъ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, Поликарпѣ ефескомъ, первомученицѣ Ѳеклѣ, Иринеѣ лѳонскомъ, Киприанѣ кареагенскомъ и Фабіанѣ римскомъ, какъ чудотворцахъ. Изъ апокрифическаго „Откровенія ап. Петра“ противникъ выставилъ два мѣста и на нихъ построилъ свое возраженіе; Макарій не признаетъ сей книги боговдохновенною, или даже принадлежащею апостолу, хотя принимаетъ за истину сказанное въ ней. Но представимъ и возраженіе и отвѣтъ.

Язычникъ выставляетъ слѣдующее: „Откровеніе (Апокалипсисъ) Петра допускаетъ, что небо и земля будутъ судимы. Земля, говоритъ, представитъ всѣхъ въ день суда Богу, и сама будетъ судима, какъ и окружающее ее небо. Но никто такъ невѣжественъ, ни такъ тупоуменъ, чтобы не знать, что земля по природѣ не можетъ подлежать отчоту и происходящее въ ней беспорядочно, и не ею устроится, а бывающее въ небѣ всегда имѣетъ одинаковый порядокъ, всегда производитъ тоже самое и никогда не измѣняется, да и не измѣнится никогда... И опять вполне нечестивую рѣчь вставляетъ, говоря: „и расплавится всякая сила небесная и совьется небо, какъ свитокъ, и всѣ звѣзды спадутъ, какъ листья съ винограда, и какъ падаютъ листья со смоковницы“. Чудовищною ложью и чрезмѣрнымъ тщеславіемъ отзывается и сказанное, что „небо и земля прейдутъ, а слова Мои не прейдутъ“ (Ме. XXIV, 35)...

Отвѣтъ... „Что небо нисколько не грѣшитъ, ни земля творитъ преступленія, за которыя-бы имѣла подлежать суду, ясно; а что и божественныя слова неложны, и это ясно и несомнѣнно. Хотя Откровеніе Петра мы отвергаемъ ¹⁾, но на основаніи евангельскихъ

¹⁾ Книга „Апокалипсисъ ап. Петра“, известная уже во второмъ вѣкѣ, ни-

и пророческихъ словъ невольно соглашаемся съ Откровеніемъ Петра, такъ какъ пророкъ говоритъ: „Небо совьется, какъ свитокъ книжный, и всѣ звѣзды упадутъ, какъ падаютъ листья съ виноградной лозы и какъ падаютъ листья съ смоковницы“ (Ис. XXXIV, 4), а Евангеліе: „Небо и земля прейдутъ, а слова Мои не пройдутъ“. И такъ, нужно отступить отъ видимости (наглядности) разсказа; а если захочемъ удержать и буквально сказанное, то незамѣтно и постепенно станемъ доискиваться, чтобы такимъ образомъ (ἐν τῷ σὺμψυκτῷ) сдѣлать рѣчь убѣдительною (вѣроятною). Нужно пытаться о природахъ вещей и сотворенномъ, чрезъ что онѣ или для чего получили бытіе? Потому что все, произведенное творческою мудростію Создателя, содѣлано или ради Него (Притч. XVI, 4), или ради чего-нибудь (Іак. I, 17; Псал. CIII, 28); именно источники, потоки, рѣки, суша, горы, море, растенія, пни, жатвы, воздухъ, эфиръ, небо, солнце, звѣзды, луна измѣнчивая, животныя водяныя, птицы, животныя сухопутныя, четвероногія явились не для полноты только творенія, но и для человѣка, чтобы онъ отъ нихъ получалъ всякія услуги и приличную поддержку. А человѣкъ создается не ради чего-нибудь другаго, а ради себя получаетъ бытіе, чтобы только прославлять мудрость Создавшаго, прекрасно устроившую и ему словесную мудрость, прославлять же постоянно не съ тѣмъ, чтобы въ даръ приносить хвалу и честь Сотворившему (потому что Онъ сіе вѣчное преимущество имѣетъ прежде существованія міра и человѣка), но чтобы чрезъ прославленіе дѣлаться участникомъ и приумножителемъ даровъ (Іоан. XV, 16) прославляемаго и тѣмъ укрѣплять собственное существо. Ибо какъ смотрящій на солнце и съ похвалою говорящій о лучахъ свѣта никакой хвалы не даритъ солнцу (оно и прежде его словъ имѣетъ украшеніе собственнаго сіянія), а взирая на него услаждается свѣтомъ, себя дѣлая славнымъ чрезъ внимательность: такъ человѣкъ, почитая Творца, никакого дара Творцу не приносить, а себя воз-

когда не признавалась каноническою (*Есс. Истор.*, кн. III, 3, 2. 25, 4. Негонупш і De viris illustr. cap. 50), но какъ завидательная, еще и въ пятюмъ вѣкѣ чтима была въ нѣкоторыхъ церквахъ Палестины въ день великаго шатка (*Созом. Церк. ист.* VII, 19).

вышаеть (ἀποδοεῖ) чрезъ общеніе съ Богомъ. И какъ приближающійся къ огню согрѣвается, не давая огню горячести, а самъ отъ огня согрѣваемый, такъ сердечными хваленіями прославляющій Подателя благъ себя исполняетъ славою и великимъ дарованіемъ. И человѣкъ, сотворенный не ради чего другого, а для свойственнаго Ему благоденствія, получаетъ на служеніе рабочихъ животныхъ. Значить, міръ сотворенъ не напрасно, для человѣка, а человѣкъ сотворенъ не ради міра, но ради себя и свойственной себѣ чести. И когда міръ, какъ домъ великій, данъ въ жилище человѣку (Римл. IV, 12; Марк. XVI, 15), а человѣкъ, принявши тварь въ свое распоряженіе, весьма вознерадѣлъ и благородства своего не сохранилъ, упившись нѣкимъ ядомъ неразумія, и оскорбилъ благодать Даровавшаго, поправши даръ, порицая лучшее и многое беззаконную противъ Бога, то Творецъ, видя его неразуміе, грѣховность и враждебность къ добру, чтобы не въ конецъ отступилъ онъ отъ Него и не развратился совершенно, опредѣлилъ посредствомъ смерти выслать его какъ бы въ другую мѣстность, чтобы, когда разрушатся его внѣшніе покровы, вторично повести его къ безсмертію и блаженной жизни. Въ слѣдствіе чего, когда такимъ образомъ присуждена смерть, и владыка переставленъ изъ своего жилища, надлежитъ и дому потерпѣть нѣчто невольное и непріятное. Потому что какъ сторожъ въ виноградникѣ дотолѣ оставляетъ въ сохранности шалашъ (Ис. 1, 8), пока не оберутъ плодовъ винограда, а затѣмъ онъ оставляетъ его на разрушеніе, и листья виноградныхъ лозъ на жертву холоду, и все благолѣпіе виноградника на исчезновеніе, такъ и человѣческая природа и личность (ὁπίστας) пребываетъ въ міръ, какъ въ шалашъ, до собранія отвсюду плода благочестія, а послѣ сего необходимо угаснуть красотѣ неба и земли, когда разумная сущность человѣковъ отойдетъ въ предопредѣленный ей жребій. Для кого тогда нужно благолѣпіе міра? Кому пригодны теченія рѣкъ? Кому— море для плаванія и суша для паханія? Нивы и сѣмена растеній, всякіе плоды, когда нѣтъ человѣка, ни во что вмѣнятся. И для кого тогда небо возжеть свои чудные свѣтильники? Не все-ли пройдетъ, когда нѣтъ главы твореній? Все видимое, нѣкоторымъ обра-

зомъ состраждущее и участвующее въ осужденіи, пойдетъ за нимъ, желая переимѣниться и очиститься отъ скверны (Рим. VIII, 19—21). Ибо какъ всякій человѣкъ во всеобщемъ концѣ восприметь основаніе втораго бытія въ нетлѣніи, такъ и весь міръ, съ нимъ поврежденный, вторично восприметъ лучшую красоту, совлекись вмѣстѣ съ нимъ поврежденной одежды и облекись въ одѣяніе неизмѣняемости (*ἀπαθείας*).

„Если свѣдущій въ сребрѣ художникъ, сломавши и расплавивши серебряный сосудъ, отъ времени устарѣвшій, посредствомъ огня вновь дѣлаетъ его, производя въ лучшемъ видѣ, то сущности (*ὕπαρξις*) сосуда не разрушая, а освобождая сосудъ отъ ржавчины и порчи, онъ дѣлаетъ его лучшимъ и новымъ. И кто-нибудь, видѣвшій его въ прежнемъ жалкомъ состояніи, не скажетъ, что сосудъ въ цѣлости погибъ и разрушился, а—что вещество и соразмѣрность сосуда не уменьшились. Подобнымъ образомъ, когда весь міръ чрезъ преслушаніе человѣка какъ бы принялъ въ свой составъ нечистоту и порчу, необходимо ему воспринять второе и лучшее состояніе сущности. И когда увидитъ кто вторичное бытіе твари въ красотѣ (см. Быт. 1, 31), то весьма удивится слову Спасителя, сказавшаго: „Небо и земля пройдутъ, а слова Мои не пройдутъ“. То есть: видимый образъ (*σχήμα*) сей пройдетъ, а слово (мысль) Творца, пребывающее въ твореніи, не пройдетъ, но самъ Онъ возобновитъ все. Ибо, хотя отъ небреженія разрушился бы составъ дома, но когда мысль художника не потеряна, онъ падшее опять возставитъ и сдѣлаетъ лучшимъ, такъ что паденіе жилища послужитъ къ лучшему его устройству: подобнымъ же образомъ міръ, отъ многого небреженія пострадавшій и въ конецъ заброшенный, и самъ собою гибнущій, будетъ опять возставленъ въ свѣтлости творческимъ словомъ и Художникомъ не ослабѣвающимъ (Прем. VII, 30), потому что всякому существу и сущности (*ὁπώρασις*) сотворенныхъ, кромѣ силъ безплотныхъ, нужно принять второе и лучшее бытіе (*γένεσις*).

„И вотъ пророческое слово образно намъ представило это, сказавши: „какъ падаютъ листья съ виноградной лозы и какъ падаютъ листья со смоковницы“. Ибо какъ паденіе листьевъ счи-

тается окончательнымъ дозрѣваніемъ винограда или смоковницы, а основа ихъ бытія не гибнетъ, но остается съ задатками лучшаго украшенія, такъ и небо звѣдное, при кончинѣ міра сбросивши благолѣпіе, получить другое и лучшее прежняго. Но смотри на таинственное сказаніе и поясненіе. Тогда какъ есть много и безъ числа деревѣвъ теряющихъ листья, упомянулъ только о виноградѣ и смоковницѣ, не о яблонѣ или грушѣ, ни объ ивѣ, хотя она скорѣе сбрасываетъ листья, но только объ нихъ, потому что только виноградъ и смоковница сбрасываютъ листья не по немногу, а разомъ. А можетъ быть—и потому, что оба эти растенія пользуются большимъ уходомъ отъ земледѣльцевъ, и чрезъ нихъ намекается слово, что Богъ, многого смотрѣнія удостоивающій небо, не оставитъ его пасть въ конецъ, но, какъ земледѣлецъ, удостоитъ всякаго попеченія и украшенія. А можетъ быть—и по причинѣ бывшаго чрезъ нихъ соблазна: потому что отъ смоковницы сшить былъ Адамомъ непотребный хитонъ (Быт. III, 7), и отъ винограда произошло у Ноя неприличное обнаженіе и поношеніе. И поелику, ради человѣческихъ преступленій,—переиѣна въ мірѣ и небѣ видимо обнаружилась отъ смоковницы и винограда, то благословно сказалъ пророкъ: „какъ падаютъ листья съ виноградной лозы и какъ падаютъ листья со смоковницы“.

Въ высшемъ же смыслѣ представляется и сказанное: „Небо совьется, какъ свитокъ книжный“ (Ис. XXXIV, 4). Потому что, когда уже нѣтъ учениковъ, читающихъ небесную книгу, ни людей, могущихъ любознательствовать по скрижалямъ и начертаніямъ, выше насъ находящимся, необходимо закрыть шеольное зданіе, по отсутствію учащихся, нужно свить и учебную книгу учителя, хотя въ новомъ видѣ таинственно развернуть ее и вторично, когда сотворенный по образу блаженнаго Существа (Быт. I, 26, 27) человѣкъ совлечется (2 Кор. V, 1—4) тлѣнія, такъ сказать, устарѣванія, когда душа восприметъ свѣтлый вѣнецъ славы (1 Петр. V, 4), когда получить свободу отъ прискорбныхъ и доступныхъ озлобленію дѣлъ“ (Мф. VI, 20).

„Но, говоришь, если „небо есть престоль Творца, а земля подножіе ногамъ Его“ (Ис. LXVI, 1), то что станетъ съ Сидя-

шимъ, и во что обратятся слова Его? Познай же богоприличную мысль сказаннаго, и въ подтвержденіе непонятности не ссылайся ни на престоль, ни на подножіе. Пророкъ начерталь этотъ образъ не для показанія, что Богъ сидитъ, имѣя подножіе ногамъ землю, а чтобы мы умомъ представляли себѣ величіе Творца. не количествомъ и качествомъ ограничивая его, но представляя въ силѣ неизреченнаго превосходства. Ибо если ни глазъ, ни умъ человѣческой не обнимаютъ неба, ни въ точности не достигаютъ созерцаніемъ предѣловъ земли, то каковъ Тотъ, Который небо творитъ престоломъ Своимъ и землю подножіемъ? Итакъ, по всему, когда сгубнетъ этотъ престоль и подножіе поиметъ, не необходимо потерпѣть что-нибудь и воссѣдающему, потому что и прежде бытія неба и земли Богъ имѣлъ престоль таинственный и непоколебимый, какъ говорятъ пророкъ: „Престоль Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка“ (Псал. XLIV, 7) и опять: „Престоль Твой, Господи, оттолѣ; отъ вѣка Ты еси“ (Пс. XCII, 2). И другое божественное слово Его говоритъ: „Ты, Господи, основалъ землю, и небеса — дѣло рукъ Твоихъ. Они погибнуть, а Ты пребудешь“ (Псал. CI, 26, 27), — и опять: „но Ты тотъ же, и лѣта Твои не кончатся“ (ст. 28). Потому что, хотя небо и земля потерпятъ что-либо, будутъ имѣть лучшее состояніе, но Художникъ ихъ, древнѣе ихъ и имѣющій сущность безначальную (*ἀγένητον*), не потерпитъ ничего при разрушеніи твореній какъ Одинъ имѣющій превосходство вѣчности. Но понятіе гибели пророкъ установилъ въ измѣненіи тварныхъ вещей и природъ, говоря: „всѣ они, какъ риза, обветшаютъ, и какъ одежду Ты пережъвишь ихъ, и измѣнятся“ (ст. 27). Ибо какъ одежда дѣлается свѣтлою и славною, когда искусство бѣлильщика сжимая очищаетъ ее и вымываетъ, такъ всемудрое и зидительное существо очиститъ тварь. обветшавшую отъ накопившейся вѣками грязи, и сдѣлаетъ ее какъ бы новою и свѣтлою одеждою“.

Приводимъ еще для ознакомленія съ воззрѣніями и логическими приѣмами автора его сужденія: а) о воплощеніи Бога Слова, б) о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ и в) объ евхаристіи.

На возраженіе „если кто изъ еллиновъ по легкомыслію и думалъ, что боги живутъ въ изваяніяхъ, то многимъ-ли чище имѣ-

ніе вѣрующаго, что Божество вошло въ чрево Маріи Дѣвы, сдѣ-
 лалось младенцемъ и по рожденіи пеленалось?“ послѣдовалъ отвѣтъ:
 „Если тебѣ кажется гораздо превосходнѣйшимъ обитаніе Божества
 въ статуяхъ, чѣмъ воплощеніе въ Марію, по причинѣ униженія въ
 послѣднемъ случаѣ чрезъ страданія ¹⁾, то выслушай важнѣйшую
 тайну ученія нашего. Вседовольнѣйшее и виждительное Слово,
 всемогущее, великое и чуждое страстей, не боится того, что ро-
 дившись съ подлежащимъ страданію (тѣломъ) не унижаетъ себя,
 потому непорочное, что не допускаетъ поврежденія зломъ (1 Петр.
 II, 22). Слово воплощается не спадая въ поврежденность тѣла и
 не терпя урона, но сущихъ во плоти возводя къ свойственному
 имъ безсмертію. Ибо какъ солнце, сходя къ болоту, не принимаетъ
 влажности и не дѣлается грязнымъ, но изсушая влагу грязи само
 остается собою безъ умаленія въ блескъ: такъ Богъ Слово, мыслен-
 ное солнце, сошедши въ плотское естество, никакой порчи отъ плоти
 не заимствуетъ, ни гибнетъ одолаваемое страстями, ни заражается
 зломъ. Напротивъ, самую плоть возводя отъ пагубныхъ дѣлъ и
 освобождая отъ ея бѣдствій, поставляетъ ее въ божественное на-
 слѣдіе блаженства, врачуетъ ея немощи и охраняетъ отъ разру-
 шительнаго вліянія грѣховъ, чтобы она была непобѣдима и не-
 одолима, препобѣждала прираженія обольщеній, чтобы плоть и со-
 храняла свою сущность и не допускала порчи сущности; соблю-
 дала опредѣленныя ей границы и ниспровергала нарушеніе (ὑπόρριον)
 ихъ. Для сего именно не въ другомъ чѣмъ исполняетъ дѣло домо-
 строительства, а въ плоти, и не въ отрѣшенной плоти, а въ плоти ²⁾
 человѣческой и дѣвственной, чтобы показать, что въ началѣ отъ
 дѣвственной земли сотворившій плоть жилищемъ ума, разсудка и
 души, и вынѣ отъ Дѣвы непорочной устроилъ себѣ храмъ не
 нуждаясь въ человѣческомъ пособіи и искусствѣ. И что славнѣе
 земля или дѣва, человѣкъ или грязь? Думаю, человѣкъ превос-
 ходнѣе праха и дѣва почетнѣе земли. Если же Богъ не стыдится

¹⁾ διὰ τὸ ἐλάττωμα τῶν παθῶν... собственно чрезъ измѣняемость, состояніе,
 доступное страданіямъ — облеченіе въ плоть, рожденіе, питаніе и проч. Ср.
Григорія Нисскаго Огласит. слово гл. 15 и 16.

²⁾ Ср. *Иринія* противъ ересей кн. III, гл. 21. *Тертул.* De carne Christi, сар. XVI.

взять персть отъ земли, но дать перстному веществу образъ и создать челоѡѡка, то насколько превосходяще созиданіе челоѡѡка отъ челоѡѡка, или насколько выше заимствованіе плоти отъ дѡѡвмъ? Онъ беретъ то, что честиѡе растворенія земли, и единственнымъ способомъ (μονογενῶν) творить богоносное изваяніе, въ которомъ вселившись потрясаетъ всеменную красотю добродѡтели и всѡхъ просѡщаетъ благодатю дарованій своихъ. И у васъ такъ называемый Прометей творить (πλάττει) челоѡѡка, ничего вовсе не стыдясь, а Зевсъ творить женщину, которую препоясала Аѡина, и вы хвалите эту басню и дѡло прославляете, не усматривая въ томъ гнусности, не помышляя о страстяхъ, не толькю о сокровенныхъ частяхъ; потому что гораздо постыднѡе (если только тутъ дѡиствительно есть что постыдное) творить члены и покрывать ихъ нѡкоторыми покровами, нежели пройти чрезъ нихъ ради домостроительства и спасенія. Потому что какъ строящій домъ и отказывающійся жить въ немъ самъ себя обвиняетъ и неотмѡнно осуждаетъ, что созидая ничего не считалъ повиннымъ стыду, а по окончаніи оклеветалъ дѡло своихъ трудовъ, считая свое произведеніе не стоящимъ (недостойнымъ) житья: такъ и Богъ, сотворившій челоѡѡка, явился бы несправедливымъ, еслибы стыдился обитать въ немъ и, сотворивши отраженіе собственной славы, далъ поводъ считать его постыднымъ“¹⁾.

О соединеніи двухъ естествъ во Христѡ говорить въ такихъ выраженіяхъ, какъ бы ересь, извѡстная подъ именемъ Несторіевой, уже и тогда возникала въ нѡкоторыхъ умахъ и возбуждала противъ себя ревнителей истины. „Разбойника не какъ челоѡѡкъ, но какъ Богъ, имъ признанный (πιστευθεὶς), по его вѡрѡ вводитъ въ преблаженный рай, неизреченно имъ отъ начала насажденный. Потому что не подобно-ли баснотворцамъ какимъ выдумываютъ, глотая слова сумасбродныхъ старухъ, отгрыгая вонь своего чрева, подражая неистовству бѡшеныхъ собахъ, сочиняя мнѡвіе подобно христорцамъ—эти общники и соучастники іудейскаго неистовства, которые раздѡленіемъ рѡчи уродуютъ смыслъ и хорошо написанное

¹⁾ Кн. IV, гл. 22 и 28.

худо читають, когда выговариваютъ „истинно говорю тебѣ нынѣ“, и потомъ отдѣляютъ „будешь со мною въ раю“ вмѣсто „нынѣ же, говорю тебѣ, будешь со мною въ раю“ (Лук. XXIII, 43), какъ будто обѣщаніе разбойнику отлагается на будущее время? И кто приметъ такое чудовищное разуміе? Кто, имѣя крѣпкій умъ и здравый смыслъ, согласится съ ученіемъ людей, открывшихъ въ мірѣ вольную продажу (*κατηλεύον*) гнилыхъ рѣчей? Это — рѣчи псовъ дерущихся, это шелестъ аспидовъ ядовитыхъ, это шипѣніе змѣевъ верадчивыхъ, — направленное къ тому, чтобы мудрованіями (софизмами) похитить истину (Мѡ. XIII, 19), хорошее извратить, дерзающее ограничивать (*περιγράφειν*) Христа въ страданіи. Кто же, спросимъ этихъ суетумудрыхъ, разверзъ землю и отворилъ мрачную темницу смерти (Іов. XXXVIII, 17; Мѡ. XXVII, 51, 52)? Кто сокрушилъ отъ древнихъ вѣковъ наложенныя узы въ страшномъ адѣ? Кто запретилъ небу изливаться сіяніе лучей? Кто воскресилъ мертвыхъ, давно уже отрѣшившихся отъ душъ, какъ бы недавно уснувшихъ? Или Богъ Слово, Который тогда не отдѣлялся отъ Распятаго и могъ творить это и больше сего, не могъ сдѣлать меньшаго? Потому что гораздо большее дѣло — заключить небо, скрыть лучи; отворить адъ и содержимыхъ тамъ отпустить въ жизнь, нежели отворить рай и ввести разбойника. И не нелѣпо-ли, что тогда какъ владычествующее днемъ солнце разомъ объемлетъ вселенную и однимъ сіяніемъ освѣщаетъ концы всего міра, мысленное, всесвѣтлое солнце, не имѣющее тѣни, неизреченно отъ Отца возсіявшее для всѣхъ, получившее бытіе безъ времени (*αχρόνως*) и имѣющее времена въ своей власти, свѣтъ истинный, не могущій затемняться, просвѣщающій всякаго человѣка, приходящаго въ міръ (Іоан. I, 5, 9), красота прѣжняя, несказанная, неопикуемая, не вездѣ было и, находясь на крестѣ, не было въ раю, не было на небѣ и на предѣлахъ всего, не было у Отца, безъ всякаго посредства безстрастно раждающаго Единороднаго? Человѣкъ, почивая, силою воображенія проходитъ землю, осматриваетъ города, переплываетъ рѣки, неуспыннымъ разумомъ души касается всего, а Христосъ, тѣломъ держимый на крестѣ, сдѣлался слабѣе человѣка? Творецъ и Создатель и устроитель человѣка не имѣетъ рая въ

своей власти, не сохраняет міра, не управляетъ всѣмъ и, находясь въ Отцѣ, не управляетъ небомъ и тѣмъ, что выше небесъ? Какое безславіе! Не для общаго-жъ блага служить сила креста, если она не въ силахъ тотчасъ даровать просимое вѣрующимъ! И вотъ прежде креста вѣрующему прокаженному готово очищеніе, подобно—слѣпому и расслабленному исцѣленіе, Лазарю умершему, по вѣрѣ сестеръ, воскресеніе, и словомъ однимъ исцѣленія безчисленныхъ другихъ немощей и болѣзней, а при крестѣ, гдѣ окончаніе всего домостроительства, гдѣ полнота подвиговъ, гдѣ дѣйствительно пріемлется царство, вѣрующій не тотчасъ по вѣрѣ получаютъ свѣтлое обѣщаніе? Но что говорятъ защитники невѣжественнаго отодвиганія вдаль? Какъ Богъ, онъ имѣлъ власть и тотчасъ же ввести разбойника въ рай, а какъ человѣкъ, еще не имѣлъ. Имъ нужно сказать при встрѣчѣ: о, упившіеся неучи! исчадія и выродеи пораженныхъ безуміемъ! Вѣрующій кому повѣрилъ? Простому-ли человѣку, или и Богу и человѣку? если не хотите отдѣлять Христа отъ Бога и Бога отъ Христа, такъ чтобы вѣрующіе вѣровали особенно во Христа, какъ человѣка, и особенно въ Бога-Слова воплотившагося и благоволившаго принять человѣческую особность.

Прочь, и на мысль вѣрующему пусть нейдетъ это! Потому что не иной—Христось, и иной—Единородный Сынъ Божій, но Христось есть Единородный Сынъ Божій, и Единородный Сынъ Божій есть Христось. Почему не иной—Христось, и иной—Иисусъ, но Иисусъ есть Христось, и Христось есть Иисусъ. И адъ трепещетъ имени Христа, не терпитъ слуха объ Иисусѣ. Множество именъ не вносятъ множество смысловъ, но одинъ сынъ, имѣющій много именъ. Хотя кто Иисуса призоветъ въ помощь, не ошибется; хотя Христа, не посрамится; съ такимъ убѣжденіемъ разбойникъ на крестѣ, увѣровавши во Христа, видитъ рай вмѣстѣ съ Тѣмъ, въ Кого увѣровалъ. Ибо если, когда составленное изъ веществъ, или растеній лекарство сложено въ какой части дома, запахъ лекарства непостижимымъ образомъ проникаетъ всюду въ домъ; то не гораздо ли больше таинственное, великое и божественное врачество, спасительное тѣло, повѣшенное на крестѣ, какъ бы въ домѣ великомъ, то-есть во всемъ мірѣ, благоуханіемъ Божества все обниметъ, крѣпкою и животворною силою проникая востокъ, западъ,

сѣверъ и югъ, всякій уголокъ вселенной? Итакъ ¹⁾, никакая вещь по воскресеніи не ограничила (περίεχλετο) Иисуса, ни мѣсто, ни время, ни количество, ни качество, ни широта, ни высота, ни глубина (сн. Римл. VIII, 35—39). Но хотя бы кто въ западныхъ странахъ призвалъ Иисуса, хотя бы на востокъ, хоть бы въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ. Христосъ—тамъ и прежде призванія, потому что тѣлесность Его неотдѣлима отъ Бога-Слова, нерѣшимая связь, какъ сказалъ Іоаннъ ²⁾, того дѣла. Посему-то и разбойника вводить въ рай, посему-то и съ апостолами былъ, посему и до скончанія міра не отдѣляется отъ вѣрующихъ ³⁾.

Язычникъ, выставивши сказанное Спасителемъ „если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни“ (Іоан. VI, 53), обвиняетъ христіанъ въ преизбыткѣ злодѣяній, превышающемъ всякую мѣру; и если даже аллегорически и таинственно понимать это (говорить), все-таки буква рѣчи оскорбляетъ слухъ, вредитъ душѣ, возбуждаетъ отвращеніе. Посему-то ни Маркъ, ни Лука, ни самъ Маттеей не написали этого ⁴⁾.

Макарій отвѣчаетъ, обращаясь сперва къ Θεοσθενу.. „Когда такъ сдѣлано было нападеніе на благочестивый догматъ и почти колебалось основаніе христіанскихъ твердынь, мы поискали подкрѣпленія довлѣющими доводами и воздвигли какъ бы огражденную противъ врага башню, въ которой засѣвши пребыли неуязвимыми, хотя принимали многія острія рѣчей и перенесли тучу стрѣлъ софистическаго напряженія. И вотъ, когда весь запасъ истощился, и самъ владѣющій имъ притомился, и прекратился трескъ направленныхъ на насъ орудій, мы постепенно извлекали противъ него всеоружіе ученія и какъ бы первое выступленіе на него сдѣлали,

¹⁾ Итакъ... сказано въ подтвержденіе основной мысли, что Иисусъ Христосъ всегда пребываетъ съ вѣрующими, тогда какъ противникъ ссылался на Мѡ. XXVI, 11; Марк. XIV, 7; Іоан. XII, 8 и на этомъ строилъ возраженіе.

²⁾ То есть — Креститель: Іоан. I, 27; Марк. I, 7. Выше мы указали на Оригена и Григорія Богослова, слова Крестителя понимавшихъ также въ высшемъ значеніи.

³⁾ Кн. III, гл. 14.

⁴⁾ Кн. III, гл. 15.

говоря въ лице ему и бывшимъ съ нимъ о плоти Христовой, что Спаситель ничего страшнаго или ужаснаго не сказалъ словами: „Если не будете ѣсть Моей плоти и пить Моей крови, то не будете имѣть жизни“. Ибо вотъ, скажемъ теперь, новорожденное или раждаемое дитя, выходящее изъ своего темнаго и влажнаго жилища, если не ѣсть плоти и не пьетъ крови матерней, не имѣетъ жизни и не вводится въ мѣръ человѣческой, но отходить въ мракъ смерти. А если принимаетъ оныя естественныя источники и пользуется свободно сродною плотію, тогда приходя въ возрастъ лучшаго образа питанія достигаетъ и учрежденія, становясь человѣкомъ, обучаясь и изучая образцы лучшаго гражданскаго существованія, и затѣмъ становится мужемъ замѣтнымъ, бываетъ что и великимъ, опытнымъ въ военачальствѣ, морскомъ дѣлѣ и совѣтодательствѣ, а причина такихъ и толикихъ благъ—питаніе плотію родившей и питье материнской крови. И не думай говорить, что это не кровь, а молоко; потому что это въ природѣ воистинну жизненная кровь, потомъ превращающаяся въ бѣлизну молока отъ растворенія чрезъ общеніе воздуха въ соснахъ, лежащихъ выше груди, и претворенія краснаго вещества въ свѣтлое. Потому что воздухъ сближающемуся съ нимъ естеству (фѳизе) обыкновенно даетъ качество, и иногда бѣлое чрезъ пониженіе температуры дѣлаетъ чернымъ, а иногда красное густое охлаждая дѣлаетъ бѣлымъ и свѣтлымъ; такъ, напримѣръ, воду, черную въ колодцахъ и глубочайшихъ источникахъ, заморозивши, онъ дѣлаетъ свѣгомъ бѣлымъ и льдомъ свѣлымъ. Такъ ¹⁾ и жизненная кровь, приливаясь въ поверхность груди раждающей собирается въ нѣкоторую сродную массу, растворяемую воздухомъ, и постоянно туда и сюда обращаясь бѣлѣтъ и принимаетъ качество молока. Потому что не случайно и не безъ причины зиждательная природа положила округлости сосцевъ выше груди, какъ бы нѣкія отдѣлительныя и таинственныя вѣвстилица (кладовыя), но для того, чтобы имъ, подобно обиль-

¹⁾ Нѣсколько выразительнѣе и короче объ этомъ же и значеніи словъ Христовыхъ рассуждаетъ Климентъ Алекс. въ 6-й главѣ Педагога (Слем. Алех. Орегисш—ед. Охоніи, 1715—pag. 122 vsqu.); изъ него посредственно или непосредственно заимствовалъ и Макарій.

нимъ пріемникамъ, выдѣлывать сладкою собираемую изъ жилъ кровь, дѣлать ее свѣтлою, годною къ питью и бѣлою, и находящуюся тамъ гущу плоти истончать. И это не удивительно, когда чрезъ источники, какъ бы чрезъ сосцы, очищаются у насъ идущія изъ вмѣстелищъ бездны и соленныя воды, и мутныя.

„А если такъ правдоподобно говорятъ объ этомъ естествословы и ясно доказываютъ точность дѣла, чѣмъ и вы не пренебрегаете, то какую странность, думаешь, представляетъ здѣсь евангельская рѣчь Христа? Чему ужасному, или диковинному, какъ утверждаешь, учишь, говоря: „Если не будете ѣсть Моей плоти и пить Моей крови, то не будете имѣть жизни въ себѣ“? Ибо чѣмъ, скажи, питается рожаемое? Не кровію ли раждающей и плотію, какъ показано не изобрѣченіемъ и художествомъ убѣдительныхъ словъ, а неуклоннымъ правиломъ истины? И если Христосъ принявшимъ Его далъ власть быть чадами Божиими (Іоан. I, 12), породивши ихъ таинственнымъ нѣкоторымъ образомъ (λόγῳ), потомъ обвинивши несказанными и божественными пеленами,—откуда, выясни, дѣти Божіи, только что раждаемыя, будутъ живиться и питаться? Не вѣдая ли таинственныхъ плотей и не пія ли таинственной крови родившей? А раждаетъ не иной кто, какъ Мудрость Божія? Она чадамъ своимъ уготовала свою трапезу (Притч. IX, 1. 2) и вино свое растворила своимъ дѣтямъ, отъ двухъ завѣтовъ, какъ бы двухъ сосцевъ, обильно подавая его, сама плотями своими и кровію своею питая только-что родившихся, дѣлаетъ возрастными и совершаетъ ихъ въ учениковъ царства небеснаго, потомъ вчисляетъ въ вышнее жителствованіе ангеловъ, вводя ихъ въ соборъ праведниковъ (Евр. XII, 23), и, исполняя безсмертіемъ и всякимъ блаженствомъ, уподобляетъ Отцу¹⁾, даруя и нетлѣніе“.

„Итакъ, плоти и кровь Христа, или Мудрости (потому что Христосъ и Мудрость одно и тоже) суть прежде всего иносказательно поименованныя слова Новаго и Вѣтхаго завѣта, которыя нужно ѣсть разсужденіемъ и переваривать напоминаніемъ въ мысли,

¹⁾ Т. е., Себѣ, Христу, какъ видно и изъ сличенія съ Климентомъ, гдѣ Слово (Λόγος) есть τὰ πάντα τῷ υἱῷ καὶ πατρί, καὶ μητρί καὶ παιδασχῶς, καὶ τροφῆς.

и получать отъ того жизнь не временную, а вѣчную. Такъ Іеремія, принявъ въ уста слова изъ руки Мудрости и съѣвши, получилъ жизнь (Іерем. I, 9); такъ Іезекіиль, съѣвши свитокъ письменный (Іез. II, 9, 10; III, 1—3), ощутилъ сладость и освободился отъ горечи настоящей жизни. Такъ каждый изъ святыхъ когда либо, въ древности, теперь и потомъ, ядущій плоть Мудрости и пьющій кровь, то-есть приѣмля въ себя знаніе и откровеніе Ея, стажалъ жизнь во вѣкъ и жива не перестанетъ жить. Потому что не ученикамъ только далъ Онъ ѣсть плоть Свою и пить кровь (иначе крайне несправедливо поступилъ бы нѣкоторымъ даруя, а нѣкоторымъ не давая вѣчную жизнь): но одинаково всеѣмъ благочестивымъ людямъ и пророкамъ даровалъ это инносказательное питаніе (*σταιρχ(αν)*). А въ послѣднее лѣто (земной жизни Своей) давши апостоламъ хлѣбъ и чашу, сказалъ: „Сіе есть тѣло Мое и кровь Моя“. И чтобы яснѣе представить дѣло и показать смыслъ главы, я открою тебѣ нить естественныхъ основаній, если только захочешь отложить предубѣжденіе, потому что тотчасъ приникнемъ въ тайну. Итакъ, въ чемъ сущность рѣчи? Все мы люди отъ земли сдѣлались тѣломъ, и нѣкоторымъ образомъ вкушая плоть ея, не саму ее, и пія кровь ея, не гибнемъ. А плоть и кровь земли есть твердый (сухой) ея плодъ и влажный, отъ которыхъ вкушая до сытости и пія живемъ, не оскорбляя земли, когда потребляемъ плоть ея и кровь, потому что извлекая изъ ней хлѣбъ и вино свѣтло проводимъ жизнь (Псал. СIII, 15) на ней. Теперь приложи ухо къ домостроительству таинства и разумно внимай слышимому! Въ началѣ Сынъ Единородный сотворилъ землю, отъ земли взявши персть создалъ человѣка, отъ человѣка взявши плоть вочеловѣчился. Если же тѣло есть (*κατηγορεῖται*) земля въ смыслѣ (*λόγῳ*) древности (первобытности), земля есть дѣло Христово на основаніи зиждительства, справедливо считааясь собственнымъ Его твореніемъ, а отъ ней — хлѣбъ и вино, отъ ней же и тѣло человѣка, и сіе тѣло Христось воспринялъ, то праведно, взявши хлѣбъ и чашу, сказалъ: „Сіе есть тѣло Мое и кровь Моя“. Потому что не образъ тѣла и не образъ крови (*οὐ γὰρ τόπος σώματος, οὐδὲ τόπος αἵματος*), какъ нѣкоторые поврежденные умомъ толкуютъ, но —

воистину тѣло и кровь Христа, поелику тѣло отъ земли, а отъ земли также хлѣбъ и вино. И кто бы другой дерзнулъ сказать: „плоть моя есть пища, и кровь моя есть питье“, когда никто другой не былъ зиждителемъ и творцомъ земли, и сіе твореніе несвойственно никому, а только Сыну Божію? Потому и сказалъ: „Это Мое“; потому что Я, а не другой, сотворилъ землю, и всѣ послѣ земли отъ Меня принявши тѣло существуютъ, а я прежде земли ни отъ кого не получивши создалъ ее, и отъ ней, какъ Моего творенія, взявши тѣло, вочеловѣчился. Посему отъ Меня Мое вамъ дарованіе предлагаю! Отъ земли сей хлѣбъ вамъ въ пищу дается, а земля есть Мое твореніе, отъ земли также тѣло и это Мое смѣшеніе (φύραμα). Итакъ, хлѣбъ и чашу отъ соединенія, которымъ я святой соединился съ земнымъ, знаменовавши (σφραγίζας) даю, научая, что это Мое тѣло и кровь“.

„Еслибы Авраамъ или другой кто сказалъ: „плоть моя есть пища, и кровь моя—питье“, то дерзко солгалъ-бы, давая чужое, какъ свое, и весьма великій вредъ нанесъ-бы, легкомысленно такъ подавая кому-нибудь хлѣбъ и чашу, и говоря: „Сіе есть тѣло мое, и сія есть кровь моя“. Потому что это не его, а Того, отъ кого получило бытіе, да и ядемое ядущимъ не сообщало-бы жизни, потому что не имѣло-бы въ своемъ соединеніи (συνπλοκῆ) слова (основанія) жизни. А тѣло земное, сдѣлавшееся тѣломъ Бога Слова, препровождаетъ вкушающихъ въ жизнь вѣчную: потому что Христосъ собственное тѣло и кровь далъ вѣрующимъ, вложивши въ него жизненное врачество божества.

„Итакъ, называя плоть хлѣбомъ и кровь виномъ, благословно учить насъ, что отъ земли — тѣло и хлѣбъ, и что то и другой имѣютъ одну сущность. Но о хлѣбѣ обыкновенномъ, воздѣлываемомъ въ землѣ, хотя оно и плоть земли, не возвѣщается, что имѣетъ жизнь вѣчную, и ядущимъ онъ даетъ имѣть утѣшеніе временное, безъ дыханія божественнаго быстро портясь; а воздѣлываемый въ блаженной землѣ Христа, силою Духа Святаго соединяясь съ нами, отъ одного вкушенія обезсмертываетъ (ἀθανατίζει) чловека. Ибо таинственный хлѣбъ, получивши благословеніе Спасителя, неотдѣлимое отъ Его тѣла и крови, соединяетъ ядущаго

съ тѣломъ Христовымъ и содѣлываетъ его членомъ Спасителя ¹⁾. И какъ свитокъ, воспринявши силу отъ письменъ учителя, дается учащемуся и чрезъ себя возводитъ его къ высшему, сопрягая сего съ учителемъ, такъ тѣло, которое есть хлѣбъ, и кровь, которая есть вино, приобрѣвши нетлѣннѣ непорочнаго божества, сообщаетъ его приобщающемуся и чрезъ него возводитъ къ самымъ непрестающимъ обителямъ Творца, — и вкушаемая плоть Спасителя не повреждается и пѣмая кровь сія не истребляется, но ядущій достигаетъ въ приумноженіе себѣ силъ божественныхъ, и ядомое неистощимо, потому что сродственно и неотдѣлимо отъ естества неистощимаго“.

30-го мая 1882 г.

Архимандритъ Арсеній.

¹⁾ См. *Инатія Бог.* посланіе къ Ев. 20; *Ириней* противъ ересей IV, 18; *Климентъ Алекс.* Paedag. 11, 2; *Григорій Нисск.* Огласит. слово 37.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки